

М.В. Бабич (Москва)

**ВОКРУГ КОМИССАРИАТА:
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АППАРАТ
И ПРОВИАНТСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ
РОССИЙСКОЙ АРМИИ В 1730-е ГОДЫ**

НАБЛЮДЕНИЯ относительно мундирно-амуничного «довольства» середины 1730-х гг.¹ привели автора настоящей статьи к выводу, что законодательно очерченная 26 января 1736 г. реформа Военной коллегии с интегрированием в нее снабженческих функций Генерального Кригс-комиссариата (далее – ГКК)² вполне реализована не была. Материальные же потребности Русско-турецкой войны 1735–1739 гг. удовлетворялись под руководством Кабинета министров при опоре на установления, организующая роль среди которых коллегии не очевидна. Зато очевидно, что большинство новообразованных тогда институтов принадлежало к сфере не «вещевой», мнимые «непорядки» которой стали предлогом вышеназванного переустройства, а к «провиантской» – всегда признаваемой «достаточной», но почти не изученной (включая призывавшиеся ведать ею по мере становления регулярной армии Провиантский приказ, Канцелярию подрядных дел и Провиантскую канцелярию).

Поэтому попытку как-то осмыслить ситуацию автор и предпринимает, отталкиваясь от сведений, собранных при исследовании совокупности органов комиссионального типа, практика создания которых – «на время» – широко применялась на всех административных направлениях. Уже в ходе описания комиссий провиантского профиля освещая деятельность других учреждений и лиц и оперируя законодательными данными, тоже специально не анализировавшимися в литературе³. Возможно,

не без влияния того факта, что и сами законодатели не сосредоточивались на гарантиях «пропитания» военнотружущих, подходы к которому как, по Воинскому уставу 1716 г., к «наиглавнейшим делам» сложились будто сами собой.

Так, акты «Полного собрания законов» скорее не утверждают, а фиксируют связь появившегося не позднее 1700 г. понятия «провиант» с положенным «ратным людям дачею» запасом хлеба. Именной указ от 18 февраля 1704 г. о хлебном жалованье «нижних чинов служилым людям» в гарнизонах и «в полках» подразделял его на муку и крупу. В 1710-е гг. к ним добавляются сухари, а вскоре провиант пополняет и соль. То же можно сказать о комплектовании провиантского запаса – за вычетом соли как предмета казенной монополии – путем сочетания натуральных сборов с податного населения и осуществлявшихся на денежные сборы с него же подрядов и покупки с определением, преимущественно, их объема в зависимости от численности вооруженных сил и представлений о необходимом человеку «порционе».

Его описание (хлеб, мясо, «вино», пиво) встречаем в Воинском уставе (вместе с лошадиным «рационом»), но точные параметры закрепляет Табель о полевой армии и гарнизонных полках от 9 февраля 1720 г.⁴ Так называемая солдатская норма провианта в четвертях, четвериках и фунтах, а мяса исключительно в деньгах (без конкретизации остального), бравшая за основу «дачи» 1704 г., с тех пор кардинально не пересматривалась и была отправной точкой для расчетов «провиантской суммы» во всяком случае до середины XVIII в.

Формулированием обязанностей по распоряжению ею, и ранее распределявшихся между «аншефтами», центральной администрацией и «провиантскими чинами» (из которых штаты 1711 г. учитывают трех генерал-провиантмейстеров на всю армию, Воинский устав – и по одному провиантмейстеру в полку, а Табель 1720 г. – тех же полковых провиантмейстеров и одного генерал-провиантмейстера с двумя генерал-провиантмейстер-лейтенантами при Главном штабе), озаботились еще позже. Но уже с середины 1710-х гг. заметно стремление к учреждению «запасных магазинов» – крупных стационарных хранилищ провианта и овса (а реже, и сена) для лошадей (заготавливаемого на отдельную «фуражную сумму»).

В отличие от месячного полкового продовольствия «на квартирах» или недельного «на марше», они рассматривались как объекты, строительство, наполнение и содержание которых в городах и крепостях, начиная с Петербурга, вменялось Военной коллегии и другим «коллегиям и канцеляриям», пока не было вручено образованной 20 января 1724 г. Провиантской канцелярии. При этом само упорство возвращения к магазинам на фоне изменчивости их медленно расширявшегося реестра⁵ свидетельствует, что решение касающихся их задач, например, замены ценовальников от купечества провиантмейстерами из гарнизонных или отставных обер- и унтер-офицеров, не было простым.

Характерно, что даже основание при генерал-провиантмейстере подчиненной Сенату Провиантской канцелярии было сопряжено не столько с поглощением подушной податью камерколлежского «провиантского рублевого сбора», сколько с заготовками для Украинского корпуса⁶. И хотя его, в большинстве драгунские, полки получали провиант и фураж за счет натуральных платежей «обывателей» Гетманщины и Слобожанщины, магазины в «украинских городах» довольствовались на «табельные деньги». Всякое объявление иного сбора с любых плательщиков и впредь оправдывалось разными неординарными обстоятельствами, но впервые, тоже относительно «украинских магазинов», указ об ускоренном заведении которых «сверх тамошних» в Ахтырке, Изюме и Харькове приняли 11 июня 1729 г. по настойчивым рапортам командующего корпусом фельдмаршала кн. М.М. Голицына, ожидавшего нападения Турции на «персидские провинции»⁷.

С этой целью Провиантская канцелярия по указу Верховного тайного совета командировала своего члена, полковника В.А. Тютчева с 20 тыс. р., двумя канцелярскими служителями, опытным в «счете денежной казны» капралом А. Базыкиным и двумя солдатами «для караула и посылок». По прибытии в Харьков его Комиссии были приданы еще 6 обер- и унтер-офицеров (из них трое полковые провиантмейстеры) – стараться, чтобы в названных местах было по 10 тыс. четвертей муки с крупами и солью «по препорции»: согласно годовой солдатской норме в соотношении 3 четвертей муки к 2 четверикам круп и 24 фунтам соли. Когда предписанные действия в сентябре – октябре были развернуты, хлебная торговля уже закончилась и ис-

полнить как «по росписанию» М.М. Голицына, так и по новому приказу Провиантской канцелярии о фураже на почти 16 тыс. р. (из средств частей, «обретающихся», кроме малороссийско-слободской области, в Белгородской губернии) ей не удалось. Поэтому 24 февраля 1730 г. фельдмаршалу позволили «брать с обывателей, как в прошлые годы»⁸, «команды» В.А. Тютчева тем не менее не расформировав.

Она и в 1730 г. пыталась снабжать «украинские магазины», опять не преуспев. Так что Сенат 12 января 1731 г. «за неимением подрядчиков» повелел расположить «указное число хлеба» на тех же «обывателей», плата которым по рыночным ценам (ввиду поставки в дополнение к ежегодному налогу) производилась из казны В.А. Тютчева. Сколько всего им было заготовлено и истрачено, чем и на каких правах его контингент занимался по упразднении в конце 1731 г. Провиантской канцелярии, в выявленных документах не отражено. Но его отзыв в Москву (а подчиненных в полки) с передачей изюмского и харьковского магазинов белгородским властям достоверно состоялся в сентябре 1732 г. Ахтырский же и вслед за ним харьковский магазины вскоре закрылись, а одновременная отправка для помощи с провиантом корпусу, «назначенному в Польшу», офицеров «московской команды» институционно оформлена не была⁹.

Однако затем структуры, весьма близкие своим алгоритмом тютчевской, опять начнут сменять друг друга. И тоже без особой оглядки на действующие регламенты, параллельно вдумчиво совершенствуемые – наиболее значимо в узаконенных летом 1731 г. «рассуждениях» Военской комиссии 1730 г. «о провианте и фураже» для вновь принимаемого «воинского стага»¹⁰.

Они пока оценивались в аспекте экономии «провиантской суммы» со снижением закупочных цен исходя из многолетнего падения цен рыночных¹¹. Но не меньше внимания уделяли и системе магазинов, едва ли не на исключительное снабжение из которых предполагали перевести всю армию. А также содержали полезные для обрисовки ее продовольственного положения абсолютные цифры – при всей присущей аналогичным выкладкам множественности показателей, которые, суммируясь, каждый раз группируются по-разному и потому сегодня мало доступны для понимания. В частности, однозначно оговаривали, что годовой расход на провиант и фураж по Табели 1720-го и твердым

ценам 1724 г. должен составлять 1 274 265 р. 75 к. Налицо же свыше 900 и 50 тыс. четвертей муки и круп с почти 85 тыс. р., которые пойдут на устройство типовых (главных, полковых и малых) магазинов мощностью в 592,5 тыс. четвертей муки¹².

Тут же прописывались правила приема-выдачи хлеба (как ответственные за что в полках фигурируют уже не провиантмейстеры, а квартирмейстеры), его меры, молотьбы и соотношения молотого и немолотого. И, наконец, замечалось, что управлять распределением и поступлением по адресу провиантских денег будет ГКК, в инструкции которому от 12 декабря 1731 г. об этом говорилось столь же бегло. Впрочем, и инструкция генерал-провиантмейстеру от 20 января 1724 г.¹³ довольно внятно трактовала полковые заготовки военного и мирного времени как подконтрольные Провиантской канцелярии, но к компетенции ее одной относилась лишь организацию запасных магазинов.

Обнаруживая реалистичность соответствующих планов Воинской комиссии, магазины за два года и выросли в числе чуть не втрое, охватив, кроме столиц, Прибалтики и Украины, почти всю Европейскую Россию¹⁴. Не имея информации, как унаследовавший их ГКК причастен к этому впечатляющему успеху, все же сошлемся на незаурядные таланты заведующего его «провиантской» частью бригадира Ф.А. Полибина, который после удачной карьеры в Северную войну, судя по назначениям к руководству Московским монетным розыском и Сыскным приказом, приобрел доверие и аннинских правящих кругов. Возведенный в генерал-провиантмейстеры и члены ГКК в ноябре 1731 г. явно с учетом службы на исходе 1720-х гг. обер-штер-кригс-комиссаром, он стал одним из инициаторов «комиссариатских исправлений», вылившихся в акты начала 1736 г., и до своей смерти в декабре 1737 г. возглавлял Походный комиссариат¹⁵.

Из ордера к нему в этом качестве фельдмаршала гр Б.-Х. Миниха видно, что в свое время на ГКК возлагалось и «изыскание способов» ко всевозможным «улучшениям», из которых известна, правда, только отмена – с подачи Воинской комиссии и Сената – 3 июля 1732 г. пошлин с «добровольной... продажи крестьянами» хлеба непосредственно в магазины¹⁶. Эффективность этого не выяснялась, зато удовлетворенность верхов «ведомостями» данного подразделения ГКК доказывается отсутствием с их стороны какой-либо его критики. Благоприятным был и

прогноз на наполнение к 1734 г. «7 украинских магазинов» примерно 390 тыс. четвертей для расположенных вокруг них около 130 тыс. чел.¹⁷ Но сентябрьскую заявку Б.-Х. Миниха на еще 50 тыс. четвертей в каждом совещание в Кабинете (при участии Ф.А. Полибина) адресовало Сенату, который 8 (10) октября 1733 г. и вынес постановление по Комиссии для заготовления провианта в украинские магазины¹⁸.

Она была укомплектована отставными штаб-офицерами (И.П. Богданов, С.Н. Болтин, И.Ю. Караулов, И.Д. Кольчугин, Д.Д. Лукин, Я.Н. Сытин), которые за полтора месяца были «расписаны» по городам и крепостям и явились туда с сенатской инструкцией, 50 тыс. р. и гарантией получения до 30 тыс. на месте, как и канцелярских служителей и помощников, в лице уже состоявших при магазинах обер- и унтер-офицерами Воронежского и Павловского гарнизонов. Они, вероятно, могли бы быть активнее под началом генерал-майора П.В. Измайлова, кандидатуру которого за введением в Военную коллегияю затем заменили. Но главная квартира в Изюме статского советника М.Ф. Воейкова, давно отошедшего от полковой жизни и не слишком проявившего себя в гражданской¹⁹, была таковой лишь номинально. Вследствие чего ее отделения функционировали автономно, так и не выйдя на уровень «переписных» канцелярий 1-й ревизии, которые, судя по всему, были их организационным прообразом.

Несмотря на это, централизация в Комиссии натурально-го сбора со всей Украины, Белгородской и Воронежской губерний (на налогоплательщиков которых вместо декларированной в сентябре принудительной продажи трети имеющегося хлеба было положено по четверику и $\frac{1}{16}$ четверика муки / круп) вместе с оплачиваемой «вольной продажей» (по ноябрьской цене «в хлебных местах» с десятипроцентной надбавкой)²⁰ превзошла ожидания. Так что Военная коллегия, констатируя штатную заполненность хранилищ еще до завершения «надлежащих» поступлений, 15 мая 1734 г. ходатайствовала об остановке «украинских» заготовок даже без традиционных ссылок на трудности ведущейся «по указам Кабинета» на Дону и Волге заготовки 510 тыс. четвертей.

Освободившийся контингент сперва вроде бы нацелили на строительство при Усть-Хопре «уставных» (образца 1731 г.) магазинных помещений и на подряд судов к «будущему свозу того

провианта» в противостоящую Азову крепость Св. Анны. Но в октябре того же года отпустили в Москву, сохранив полномочия «по Инструкции» М.Ф. Воейкову, подтвержденные год спустя за оставленными в Изюме и Воронеже подполковником И.Д. Кольчугиным и майором Я.Н. Сытиным²¹. Спрашивали с них лишь пополнения на все еще бывшие 30 тыс. р. израсходованного по региону, где более 305 тыс. четвертей в начале 1735 г. с лихвой превосходило не только довольствие пребывавших там 14 полков, но и участвовавших в осеннем походе генерал-лейтенанта М.И. Леонтьева в Крым 30 тыс. чел. регулярных и нерегулярных войск²². И уже задним числом, весной 1736 г. стали упрекать в «слабых поступках», которые обрекли осаждавших Азов на одни сухари и чуть не сорвали выступления из Царицынки Днепровской армии, не нашедшей там «ни одной четверти муки»²³.

Эффектные фразы Б.-Х. Миниха легко выводить как из «командирской» ориентации на прямое изъятие армейского «продовольственного заказа» у беззащитного населения, так и из сваливания военной неудачи на «недостаток провианта» из-за «нерадения» тех, «коих к тому зависит должность». То есть на Ф.А. Полибина как «генерал-провиантмейстера и оного департамента первого члена», а заодно и на допустивших «фальшивые меры» или порчу хранимого с раздачей «погнилого в пищу»²⁴.

Сложнее разглядеть, что коллежское следствие над И.Д. Кольчугиным, может быть и устрашало служащих при магазинах, к тому же неоднократно осматривавшихся гвардейцами, но его «вин» не доказало. А Ф.А. Полибин пожизненно занимал свой пост, что было бы невозможно без поддержки фельдмаршала, выбравшего его ответственным «пред Богом и е. и. в.» за несколько месяцев до неудачного оборота похода 1736 г., и самой императрицы, как будто согласившейся со своим главнокомандующим²⁵. И уж вовсе нелогичным предстает сначала наряд в 336 тыс. четвертей (при имевшихся сведениях об оставшихся с прошлого года примерно 200), а потом сопровождаемые всем невыгодным ограничением винокурения меры по наращиванию запасов (при, напротив, неизвестности видов на кампанию 1737 г.)²⁶

Как бы то ни было, наблюдаемую с конца 1720-х гг. провиантскую практику радикально не изменили ни масштабные «марши» 1736 г., ни замещение ГКК комиссариатом Походным. По мысли реформаторов, последний должен был стать промежуточ-

ным звеном между Военной коллегией и полками, знаменуя выстраивание ее аппарата строго по вертикали, уже проведенной в трехступенчатой иерархии общегосударственного высшего, центрального и местного управления. Проект его инструкции, который отложился в Сенате, заключал в 91 статье версии от ноября 1736 г. свод законоположений по снабженческим отраслям, 26 января разведенным по конторам коллегии, а также по контролю за «состоянием» армии, эстафету которого он принимал от генерал-инспекторов 1731–1732 гг. А в остальном просто аккумуляировал функции ГКК в доставке материального содержания по назначению. С той разницей, что исполнявший их штатный персонал, лишаясь места для «присутствия», освобождался от переходящих к присутствиям коллежских контор как обобщения отчетности к информированию вышестоящих инстанций, так и от самого «ассигнования»²⁷, понятие какового затем вошло в военный обиход в значении «откуда что-либо получать для войска»²⁸.

Задуманный, соответственно, как постоянный орган Военной коллегии, в котором над 14 «комиссарами» и «провиантмейстерами» даже не было старшего, Походный комиссариат²⁹ и сформировался, и работал как типичная комиссия, подотчетная Кабинету и состоявшая из гораздо меньше планируемого числа членов под единоличным руководством (после Ф.А. Полибина генерал-кригс-комиссара кн. Н.Ю. Трубецкого). При этом в течение 1736 г., пока жалованье, мундир и амуниция оставались за упраздненным, но не распущенным ГКК, комиссия собственно провиантская, которая сменила свою сенатскую предшественницу в Изюме, наполняла на тех же началах приема у «обывателей» и самостоятельных закупок те же «украинские магазины». И если их номенклатура по «диспозиции» Б.-Х. Миниха с дополнением «запасных» временными заметно расширилась³⁰, то совокупное задание в 400–440 тыс. четвертей (для около 110 тыс. чел., действующих против Турции, регулярных и нерегулярных) сравнительно с 1734–1735 гг., наоборот, сузилось³¹.

Не комментируя серии указов о сборах с «земли» за «великой нуждой» с угрозами местным властям на случай их «слабости», для преодоления которой высылались гвардейские обер- и унтер-офицеры³², подчеркнем, что на намеченный весной рубеж к моменту тяжелейшего для экономики Украины расквартирования

там введенной осенью в границы армии³³ фактически уже вышли. Скорее всего, даже истратив – ввиду вышеупомянутого запаса и обеспеченных хорошим урожаем натуральных взносов – не более 123 тыс. р. на выдачу Ф.А. Полибину (вместо желаемых 635 и одобренных 500) и 100 тыс. на малороссийско-слободские и белгородско-воронежские поставки (последние – из Канцелярии оставшихся за указными расходами денег)³⁴. А беспокоивший командование продовольственный «недостаток» заключался не в дефиците запасов, запрошенных на 1737 г. в аналогичном 1736 г. объеме около 400 тыс. четвертей, а в трудностях подвоза к воюющим Днепровской и Донской «экспедициям»³⁵.

Их острота вместе с потребностью в равнозначных «украинским» запасным магазинах в южнорусских городах и откликнулась, полагаем, появлением череды административных единиц как партнеров Походного комиссариата по отправке собранного сухим и водным путем. Но произошло это далеко не сразу. В 1736 г. его чины занимались телегами, волами, бударами и, главное, сопровождавшими их людьми «обще» с гвардейцами³⁶ и представителями генералитета при армии и статских делах.

В 1737 г. прежде всего «генералитетской» помощью Походному комиссариату по указам от 30 апреля малороссийскому с московским главнокомандующим кн. И.Ф. Бярятинскому с гр С. А. Салтыковым, главному командиру строения судов на Дону контр-адмиралу В.А. Дмитриеву-Мамонову и смоленскому губернатору А.Б. Бутурлину правительство, по-видимому, и думало обойтись. И почти втрое от прошлого (до около 114 тыс. четвертей) снизило наряд с «обывателей»³⁷, особые надежды возлагая на Москву со сходящимися в ней торгово-денежными потоками из внутренних губерний и мощным административным ресурсом.

С.А. Салтыков действительно в 10 дней сформировал под своими «ордерами» официально сенатскую Комиссию покупных дел провианта из «коллежских членов» (А.Я. Дохтуров и Я.А. Маслов) для приема и размещения приобретенного четырьмя гарнизонными офицерами (с отправкой еще двоих по рекам Оке и Угре), которые получили в помощь до 10 канцеляристов, 20 солдат и – 50 (по другим данным, 70) тыс. р. из Военной конторы. Но идее отослать в Брянск (для сплава в Киев) 100–160 тыс. четвертей прямо на идущих в столицу купечес-

ких барках помешала 131 мель, к 24 мая освидетельствованная майором А. Толбузиным по «водяному ходу» Москвы-реки до Гжатской пристани. Кабинет, лишь к середине лета смирившись с этим, все же еще настаивал на покупках «по рекам», впрочем, так и не случившихся (не без противодействия С.А. Салтыкова, на которого в конечном счете и легло употребление переполнившихся московские житницы свыше 140 тыс. четвертей хлеба на «дворцовые расходы» и «вместо жалованья»)³⁸.

Порученные в покупку А.Б. Бутурлину 20 тыс. четвертей двинулись в Киев по Днепру из оправившейся от недавнего голода Смоленской губернии в начале июня (с остановкой там заготовок сверху в ноябре). В.А. Дмитриев-Мамонов за нужностью «при флотилии» от повеления в 50 тыс. четвертей на 50 тыс. р. был 14 мая освобожден с переадресовкой его статскому советнику А.К. Зыбину, начальнику Канцелярии строения морских судов в Брянске, для которой «провиантское дело» стало постоянным и впредь. Хотя ожидать того же от И.Ф. Барятинского при явном к лету малороссийском оскудении и было проблематично, ему все же доставили 50 тыс. р., рассчитывая, кажется, на компенсацию недостающего в сопредельных «польских владениях»³⁹.

Главным же пунктом военной продажи государству хлеба «вольной ценой» в 1737 г. стал Орел, где ездивший с марта по «отдаленным городам» для ускорения высылки денежных сборов член Военной коллегии капитан-командор И.Ф. Козлов 26 мая возглавил Комиссию провиантского заготовления. Не дождавшись из Москвы обещанных служителей и конвоя, он, располагая сопровождавшими его из Петербурга двумя офицерами и одним канцеляристом, добился от провинциальной канцелярии прикомандирования 16 ее собственных служащих с выборными посадскими и отставными дворянами. И этими силами в неполные пять недель наладил на бывшие при нем наличные торг с купечеством и ссыпку в его же амбары якобы «для себя» до 23 тыс. четвертей ржи, а также договорился о поставке подрядчиками «своим коштом» еще 10 тыс. на Остролуцкую пристань⁴⁰.

При срочном отзыве его в коллегию в Орле 11 июля открылась одноименная комиссия, которую С.А. Салтыков под эгидой им же управлявшейся Сенатской конторы проектировал

под 50 тыс. четвертей еще до прибытия И.Ф. Козлова и которая теперь должна была завершить начатое. Отставной майор кн. В.М. Хилков располагал полноценной канцелярией, 20 рядовыми московского гарнизона и 20 тыс. р. из Штатс-конторы плюс к 27 тыс. комиссии-предшественницы, но не обладал организаторскими способностями капитан-командора. Покупку зерна он, пусть вдвое медленнее, вел, но с помолом и изготовлением кулей для муки из рогожи, нашедшейся в Мещовске и Серпейске – все по «диспозиции» А.К. Зыбина, справлялся хуже. А для их отвоза «к пристаням по р. Десне», «охочих людей» к чему не сыскивалось, просил запрещаемого «в пашенное время» наряда с Орловской и Севской провинций. 11 августа В.М. Хилкова уволили с передачей транспортировки и 10 тыс. р. А.К. Зыбину, которому наряд разрешили (с оплатой по «Плакату» 1724 г. вплоть до ноября тем же В.М. Хилковым)⁴¹.

Невыявленность количественных итогов заготовительной кампании 1737 г. оставляет лишь заметить, что текущая документация не отразила каких-либо провиантских эксцессов. Но отчасти отразила отказ высших учреждений на будущее от обращений к именитым администраторам взамен натуральных сборов и раздражение против транслировавшей пожелания Б.-Х. Миниха Военной коллегии. Выговаривая ей в декабре 1737 г., что раз «то самое дело до оной коллегии и... генералитета принадлежит», им и отвечать за «упущения», сенаторы и министры отклонили просьбы об обязательной сдаче хлеба в обременяющих «обывателей» кулях и приготовление ими же плавсредств. Но существенно «оптимизировать» озвученные в коллежском донесении от 1 сентября 1737 г. около 660 тыс. четвертей, в какой-то мере оправданные беспрецедентным назначением в «кампанию» 1738 г. до 174 тыс. человек (при 130 тыс. в 1737 г.)⁴² все же не отважились.

Отсюда – «расположение» 14 и 21 апреля 1738 г. 300 тыс. четвертей «за пустотой на Украине» на соседние губернии с зачетом в подушный сбор (в русле июньского 1737 г. проекта В.А. Дмитриева-Мамонова) и увеличение его в августе еще на 100 тыс. без обычных поощрений к добровольным продажам⁴³. Покупка же была вручена возобновленной 21 (29) апреля в статусе сенатской Комиссии провиантского заготовления И.Ф. Козлова, теперь названной Днепровской, Походному комиссариату и двум заве-

денным в апреле и июне «донским» провиантским «экспедициям» генерал-провиантмейстер-лейтенанта Н.С. Кречетникова и кригс-комиссара П.И. Колюпанова⁴⁴. Но и они были ориентированы больше на прием «сборного» хлеба и овса, упаковку муки в удобные для перемещения и счета кули и их нагрузку на курсировавшие по Десне, Днепру и Дону байдаки и будары, возводившиеся Канцелярией судового строения в Брянске и Таврове.

Походный комиссариат Н.Ю. Трубецкого, тесно сотрудничавшего с Б.-Х. Минихом, к этому периоду дорос до координации – на поступающую отовсюду «наличную денежную казну» – обеспечения всех армейских потребностей. Из провиантских же особенно трудился над снаряжением полковых обозов, росписью питающих их магазинов (относительно доступности для разных провинций, близости к местам сплава, дислокации частей, приспособленности к хранению крупных партий) и их взаимодействием вплоть до замещения закрытых из-за эпидемии чумы⁴⁵. Поэтому, наверное, поверенные ему 200 тыс. четвертей и были препоручены «донским экспедициям», которые на правах центральных комиссий время от времени сами сносились с Сенатом, в том числе полностью подобравшим кадры для П.И. Колюпанова⁴⁶. Но фактически функционировали как комиссариатские отделения, в свою очередь имея отделения в Валуйках, Коротоjackом, Старом и Новом Осколах и в Усть-Хоперской крепости.

Комиссия Н.С. Кречетникова, которому помогали несколько откомандированных Н.Ю. Трубецким офицеров, быстро израсходовала свои 40 тыс. р. и со вступлением в отпуск провиантских судов из Таврова другой «экспедиции» ограничилась следствием от имени Комиссариата о пожаре в Коротоjackом магазине, не позднее октября закрывшись. Комиссия П.И. Колюпанова не упразднилась до 24 июля 1739 г., начав готовить «дела» к сдаче полугодом ранее, когда запасы Донской армии перестали пополняться. Покупка в Воронежской губернии была за «довольством... отставлена» в августе 1738 г., остановившись на «надежных» в июле 35,5 тыс. четвертей⁴⁷. Но и «смотрение» за одним приемом усложнилось с массовым, до нескольких десятков человек в каждом магазине, укрупнением их персонала служащими «у подушного сбора» и всеми отставными «офицерами и дворянами» с гарнизонными солдатами, рассыльщиками и подьячими, каких могли дать местные власти.

Сенат санкционировал его в мае 1738 г., не поддержав И.Ф. Козлова в использовании в качестве магазинно-вахтеров выборных «купчин», но в прочем одобряя его предложения по заготовкам в Белгородской губернии⁴⁸. Открывшись в Переволочне, его главная квартира вторую половину 1738 г. провела в Севске, получая еженедельные рапорты отделений в Белгороде, Курске, Орле и Путивле, с их ликвидацией перебазировалась в Брянск и сохранила свою необходимость до конца 1739 г. Именно комиссия И.Ф. Козлова, наряду со «сборным», чаще всех оперировала «покупным» провиантом по так и не сниженной стотысячной норме, с гордостью отчитываясь в посылке по Десне на 827 байдаках до 300 тыс. четвертей того и другого. Завершала же свое существование «отпуском и расходом» более 260 тыс. четвертей «днепровских магазинов» и перемещением признанного там на новом этапе боевых действий «остаточным» в Изюм, а того же из «донецких» и «донских» (или «комиссариатских») магазинов в Киев⁴⁹.

Упомянутое своеобразие военно-хозяйственного учета пока исключает точный баланс по продовольственно-фуражному «плану-факту» 1738 г. Исходя из октябрьской «справки» в Кабинет о наличном – еще растущем – резерве на регулярные и не регулярные войска (более 220 тыс. человек) на 9 месяцев вперед⁵⁰, получается, что у них всего было «с излишеством». И это закономерно снимало вопрос с повестки дня 1739 г. первых политических институтов, которые целиком переложили его на Походный комиссариат. А он в паре с Днепровской комиссией провиантского изготовления справился с наполнением и передвижением громадных обозов с хлебом, по выражению А.К. Баиова, «на всю кампанию» благодаря «энергичности и способностям» всего офицерского корпуса⁵¹.

Не располагая за 1740 г. и такими материалами, прежде заключений по материалам рассмотренным укажем, что объектом последнего до елизаветинских перемен государственного вмешательства в военное продовольствие тоже были запасные магазины, где 14 мая 1741 г. вводился зачет служащим «усышки, утки и мышеяда» (с подтверждением годового запаса в 592,5 тыс. четвертей муки и прочего на 86 286 р. 40 к.)⁵². И что нижевысказанные суждения не выходят за рамки проблематики, интересовавшей верховную власть, которая во второй половине 1730-х гг. частями, в турецких «походах» не бывшими, пренебрегала.

Вместе с тем и ранее к четко установленной компетенции правительственных органов относилась не провиантская обеспеченность вообще, а состояние магазинов, снабжение полков в границах империи мимо которых считалось нежелательным⁵³. С 1724 г. они последовательно ведались в Провиантской канцелярии, ГКК и Военной коллегии, равно подведомственных Сенату, который по-прежнему как контролировал и направлял работу имперской машины, так и пекся, словами Петра I, о «пользе» во всех областях жизни, ею объятых. Из чего проистекали и его «дирекция» над вновь возникавшими провиантскими учреждениями, и его неперемнное участие в складывании и воплощении политики, главные позиции в определении курса которой занимал Кабинет министров.

В отношении «доброего состояния» армии тот и другой держались петровской линии регуляризации, одним из важнейших элементов которой были задающие ее состав и масштаб финансирования штаты, при пересмотре по рекомендациям Воинской комиссии 1730 г. только развившие принцип «правильного» получения ею надлежащего прямо из магазинов. Всячески заботясь о налоговых поступлениях, без которых не могло быть и исчисляемой по норме 1720 г. «провиантской суммы», оба властных органа вроде бы стремились к уменьшению не внесенной в штат доли натуральных сборов в дополнение и тем более взамен доли денежной. Но фразеология изданных актов, за которой угадывается предпочтение со стороны военных нарядов подрядам и покупке, сама по себе не доказывает конфликта их интересов со «статскими».

Генералитет чуть не ежегодно заявлял о недополучении средств на штатные магазинные запасы или их недостаточности по чрезвычайным поводам, а правительство откликалось на его всегда завышенные против реального потребления запросы сообразно своим ресурсам и взглядам на целесообразность их выделения высокопоставленным должностным лицам или специальным комиссиям собственного подчинения на местах. От Военной коллегии при этом хотели не распоряжения ими (хотя на бумаге оно и не изымалось из вверенного ей управления армией), а «назначения» таких мест и своевременных докладов об уже заготовленном и еще заготавливаемом. Количество провианта тоже признавалось «довольным» с достижением не изначально

заданных стандартов, а согласия наверху с «резонами» заказчиков и исполнителей данной заготовительной кампании к ее продолжению или свертыванию.

Несомненная тенденция к расширению сети крупных постоянных магазинов в регионах, являвшихся тыловой базой русско-турецкой войны, и непрерывное создание в ее процессе магазинов временных, готовых снабжать войска «в походе», не могла предотвратить затруднений, вызванных сложностью налаживания транспортных коммуникаций. И если главный груз такого налаживания вынесли на себе офицеры полевой армии, то вклад в него внесли и Походный комиссариат с несколькими плотно контактирующими с ними «гражданскими» комиссиями, что можно расценивать как распространение зоны властного регулирования. Другое дело, что временные институции как второй, так и первой половины 1730-х гг., не были предусмотрены никакими регламентами и существовали на не предусмотренную бюджетом «остаточную» казну. Но и этот способ действия был не менее свойственен петровской эпохе, чем почти непрерывное включение режима ручного управления в предупреждение любых трений государственного механизма.

Что же до попыток переустройства центральной военной администрации в 1736 г., которые побудили к нынешним изысканиям, то выясненное заставляет отказаться от соображений о проявлении в них истощенности в начатой в 1730 г. реформе преобразовательного потенциала. При ином развитии событий триединство Военной коллегии, Походного комиссариата и ряда контор коллегии могло бы вместе повысить оперативность как снабжения войск, так и информирования о состоянии «армейской» части коллежской системы, актуального для недвусмысленно поддержавшего новации Кабинета министров.

Когда же Походный комиссариат выступил как еще более актуальная правительственная комиссия, это не смутило ни министров, ни коллежский аппарат, не упустивший шанса при сочинении «инструкций» для реформируемых структур поднять на следующую ступень военное законодательство, учтя и долгий «мир», и текущий боевой опыт. Его проекты, из которых при подготовке статьи затрагивался лишь один, не были

воплощены, но вряд ли безвестно пропали для деятелей наступающей эпохи, безусловно открывая и новые возможности для исследования едва еще изученной истории военного управления 1730-х гг.

¹ Бабич М.В. К проблеме военного управления 1730-х гг.: Вокруг комиссариата // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Ч. 1. СПб., 2016. С. 99–114.

² Который 28 октября 1731 г. сам объединил «бывшие» Кригс-комиссариат, Мундирную и Амуничную конторы и Провиантскую канцелярию. См.: Карпеев И.В. ГKK // Государственность России: Словарь-справочник. М., 1996. Кн. 1. С. 144–145.

³ Наиболее адекватную сводку см.: Шелехов Ф.П. Главное интендантское управление: Исторический очерк. Ч. 1: Введение и царствование императора Александра I. СПб., 1903. С. 17–30, 43–47 (Столетие Военного министерства, 1802–1902 / Под ред. Д.А. Скалона. Вып. 12).

⁴ ПСЗ–1. Т. 4. № 1764, 2034, 3733 и др.; Т. 43, ч. 2. № 3511.

⁵ В течение 1720-х гг. с 9 до 13, с постоянством, пожалуй, лишь в Петербурге и Москве, Выборге, Риге и Ревеле, Изюме, Н. Новгороде и Смоленске. См.: ПСЗ. Т. 6. № 3670, 3733; Т. 7. № 4437; Т. 43, ч. 1. № 5819.

⁶ ПСЗ. Т. 6. № 3670; Т. 7. № 4323, 4430.

⁷ Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета, 1726–1730 / Изд. под ред. Н.Ф. Дубровина. СПб., 1898. Т. 8. С. 117–120, 124, 478 (Сб. РИО. Т. 101).

⁸ Там же. С. 477–479.

⁹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 7525. Л. 103 об.–104; Оп. 8. Л. 10.

¹⁰ ПСЗ. Т. 43, ч. 1. № 5804, 5819.

¹¹ Петрухинцев Н.Н. Царствование Анны Иоанновны: Формирование внутриполитического курса и судьбы армии и флота, 1730–1735 гг. СПб., 2001. С. 160–162, 318.

¹² Перечисление «прочего по препорции», если и присутствует (далеко не всегда), здесь и далее опускается.

¹³ ПСЗ. Т. 7. № 4430; Т. 8. № 5904; Т. 43, ч. 2. № 5819.

¹⁴ Реестр от июля 1733 г. насчитывает 39. См.: РГАДА. Ф. 248. Кн. 1116. Л. 5 об.–6.

¹⁵ Там же. Кн. 494. Л. 6; Кн. 2003. Л. 162–163 об.; Кн. 2015. Л. 10; ПСЗ. Т. 9. № 6872, 6899; Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны, 1731–1740 гг. / Собр. и изд. А.Н. Филипповым. Юрьев, 1898. Т. 1. С. 5, 9–10; 1905. Т. 7 (Сб. РИО. Т. 104, 120). (Далее: Бумаги Кабинета. Сб. РИО).

¹⁶ РГАДА. Ф. 248. Кн. 440. Л. 178 об.; ПСЗ. Т. 8. № 6113.

¹⁷ В Воронеже, Изюме, Киеве, Коротоюке и Павловске с крепостями Св. Анны и Усть-Хоперской. См.: РГАДА. Ф. 248. Кн. 1116. Л. 2 об.–3.

¹⁸ Там же. Кн. 438. Л. 560, 569–569 об., 607; Кн. 2055. Л. 26–26 об.; Бумаги Кабинета. Сб. РИО. Т. 106. С. 464.

¹⁹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 2054. Л. 178–179; Ф. 286. Кн. 206. Л. 608; Серов Д.О. Прокураатура Петра I (1722–1725 гг.): Историко-правовой очерк. Новосибирск, 2002. С. 268.

²⁰ Бумаги Кабинета. Сб. РИО. Т. 106. С. 466–467; ПСЗ. Т. 9. № 6507.

²¹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 438. Л. 570 об., 572–573, 586–586 об., 607–611, 926–926 об., 943.

- ²² Там же. Л. 709–710 об., 926–926 об., 955 об.; Бумаги Кабинета. Сб. РИО. Т. 11. С. 325–326; Баиов А.К. История русского военного искусства. М., 2008. Т. 1. С. 351–352.
- ²³ РГАДА. Ф. 248. Кн. 438. Л. 955–956, 1066 и др.; Кн. 440. Л. 178–179 об.
- ²⁴ Там же; Бумаги Кабинета. Сб. РИО. Т. 114. С. 114, 195, 538, 544.
- ²⁵ РГАДА. Ф. 248. Кн. 440. Л. 179–180; Бумаги Кабинета. Сб. РИО. Т. 114. С. 388, 511, 538, 559, 635.
- ²⁶ РГАДА. Ф. 248. Кн. 440. Л. 453; Бумаги Кабинета. Сб. РИО. Т. 114. С. 547.
- ²⁷ РГАДА. Ф. 248. Кн. 494. Л. 628–686.
- ²⁸ Тучков С.А. Военный словарь, заключающий наименования или термины, в российском сухопутном войске употребляемые... М., 2008. С. 37.
- ²⁹ Образован именным указом от 29 марта 1736 г. См.: ПСЗ. Т. 9. № 6930. Закрылся, думается, по окончании войны.
- ³⁰ Азов, Св. Анна, Валуйки, Воронеж, Изюм, Киев, Коротояк, Кременчуг, Лубны, Луган, Переволочна, Полтава, Самара, Тавров, Усть-Хопер, Харьков, Царицынка.
- ³¹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 440. Л. 15–155 об.; Баиов А.К. Русская армия в царствование императрицы Анны Иоанновны: Война России с Турцией в 1736–1739. СПб., 1906. Ч. 1. С. 203, 220.
- ³² ПСЗ. Т. 9. № 6948, 7011, 7031, 7100.
- ³³ Петрухинцев Н.Н. Внутренняя политика Анны Иоанновны (1730–1740). М., 2014. С. 364–365.
- ³⁴ РГАДА. Ф. 248. Кн. 438. Л. 1077–1077 об.; Кн. 440. Л. 153, 155 об.; Бумаги Кабинета. Сб. РИО. Т. 114. С. 205, 228, 343, 351, 401, 421, 473, 541.
- ³⁵ РГАДА. Ф. 248. Кн. 408. Л. 953; Баиов А.К. Русская армия... Ч. 1. С. 206, 220, 285–286, 329 и др.
- ³⁶ По сенатскому приговору от 30 ноября 1736 г. к «понууждению» губернаторов и воевод в Малую Россию и Походный комиссариат направлялись четверо, без учета уже исполнивших эти обязанности. Из них с лета 1736 по осень 1738 гг. постоянно на означенной территории находилось трое офицеров. См.: РГАДА. Ф. 248. Кн. 408. Л. 1245; Бумаги Кабинета. Сб. РИО. Т. 114. С. 351, 425, 442 и др.
- ³⁷ РГАДА. Ф. 248. Кн. 7806. Л. 188–189, 614–617; Бумаги Кабинета. Сб. РИО. Т. 117. С. 260–261; Журналы Правительствующего Сената за 1737 г. / Подгот. А.Н. Филипповым. М., 1910. Ч. 1. С. 445.
- ³⁸ РГАДА. Ф. 248. Кн. 7806. Л. 224, 275, 296–300, 321–324, 355–357, 425–427, 481–481 об. и др.
- ³⁹ Там же. Л. 614–617; Бумаги Кабинета. Сб. РИО. Т. 117. С. 344, 347, 389, 391, 435, 503, 528, 591–592, 759 и др.
- ⁴⁰ РГАДА. Ф. 248. Кн. 7806. Л. 106–108 об., 115–117, 133.
- ⁴¹ Там же. Л. 49–49 об., 62–64, 70–70 об., 88, 93, 118, 133, 154–154 об., 251–256, 520–521, 614 и др.; Бумаги Кабинета. Сб. РИО. Т. 117. С. 477, 519.
- ⁴² Там же. С. 534, 744–747; Баиов А.К. Русская армия... Ч. 1. С. 356–357, 491–492.
- ⁴³ Журналы Правительствующего Сената... С. 360–361; РГАДА. Ф. 248. Кн. 440. Л. 100 об., 953, 1465–1465 об.; Бумаги Кабинета. Сб. РИО. Т. 117. С. 743; ПСЗ. Т. 10. № 7664.
- ⁴⁴ РГАДА. Ф. 248. Кн. 408. Л. 698–700, 718, 818; Кн. 411. Л. 1001.
- ⁴⁵ Сравнительно с 1736 г. сеть их, за вычетом передвижных при Днепровской и Донской армиях, пополнилась Бахмутом, Кисельской крепостью, Старым и Новым Осколами, Торой и Чугуевым. См.: РГАДА. Ф. 248. Кн. 408. Л. 911–913 об.,

934; Кн. 411. Л. 1049–1050; Бумаги Кабинета. Сб. РИО. Т. 117. С. 747; Т. 124. С. 114–115.

⁴⁶ Шестью отставными офицерами, между которыми был и В.М. Хилков, и десятью служителями столичных учреждений. См.: РГАДА. Ф. 248. Кн. 408. Л. 871 об.; Кн. 411. Л. 1061–1062, 1099, 1159–1160; Ф. 286. Кн. 63. Л. 443–444.

⁴⁷ Там же. Ф. 248. Кн. 411. Л. 1049; ПСЗ. Т. 10. № 7664; Бумаги Кабинета. Сб. РИО. Т. 124. С. 114.

⁴⁸ РГАДА. Ф. 248. Кн. 408. Л. 717–720, 745–746.

⁴⁹ Там же. Л. 940, 975; Кн. 411. Л. 1066–1066 об.; Бумаги Кабинета. Сб. РИО. Т. 130. С. 235.

⁵⁰ ПСЗ. Т. 10. № 7664; Баиов А.К. Русская армия... Ч. 2. С. 130–131, 134.

⁵¹ Там же. С. 22, 104, 107, 293. Перечень выявленных этим исследователем мест задействованных в кампании 1739 г. магазинов включал Азов, Св. Анну, Андреевку, Белинкое, Бубнов, Валуйки, Воронеж, Изюм, Киев, Коротояк, Лубны, Мурашев, Остер, Павловск, Переяславль, Полтаву, Прилуки, Спирблов, Старый Одар, Тору, Треполье, Усть-Хопер, Царев-Борисов, Чернигов и Чугуев (С. 31, 33, 94–95).

⁵² ПСЗ. Т. 11. № 8739.

⁵³ Взгляд Воинского стата 1731 г. предполагалось подтвердить и в 1736. См.: РГАДА. Ф. 248. Кн. 494. Л. 661–668. Выяснить что-либо о прекращении действия инструкции генерал-провиантмейстеру касательно взятия «на квартирах» провианта и фуража с «уездных людей» натурой в счет подушного сбора не удалось.